

Алексей ВИТАКОВ

«В РАЙ ПОПАДУТ СОЛДАТЫ И ДЕТИ...»

В Рай попадут солдаты и дети.
Ворон низко уходит в полёт.
Кто будет брать интервью у смерти?
Военкорам, два шага вперёд.

Ветер разлуки – на то Божья воля.
Запевала сквозь горечь зачнёт...
Кто будет брать интервью у боли?
Военкорам, два шага вперёд.

Вышли танкисты, вышли связисты.
Поклонилась им в ноги трава.
Вышли шахтёры, вышли таксисты,
Повара, засучив рукава.

Вышел казак – покачнулся крестик
Под рубахой. Священник встал в строй.
Только один остался на месте –
Был он маленький с медной трубой.

Словно из прошлого телеграмма,
Из другой, из забытой войны.
Чей ты? Давай по-взрослому, прямо:
Трубачи нам сейчас не нужны.

Он, от обиды внутри сгорая,
Всё ж крепился, стоял, хоть стреляй!
– Дядя, а можно просто сыграю?
– Хорошо. Бог с тобою. Сыграй.

Бредит земля. Небеса оглохли.
Род людской проклинает судьбу.
Кто ты такой? Из какой эпохи,
Над воронкой поднявший трубу?

К меди её солнце в страхе жалось.
Пыль дороги сходила с ума.
Просто играть – вот всё, что осталось.
И воронки бездонная тьма.

Мы уходили в гибельный ветер.
Где под выстрелы ставили лбы.
В Рай попадут солдаты и дети,
А ещё звук помятой трубы.

Когда-нибудь пройдёт безумье века.
И для детей, забывших слово «мир»,
Не только вата отразится в реках,
А молоко, сгущёнка и зефир.

Придёт на место воина строитель.
Придут тетрадки и карандаши.
Какой урок?.. И у доски учитель:
– Запоминаем правило: жи-ши...

Вернётся жизнь и свет, тот самый – белый.
И не исчезнут ямочки со щёк.
– Теперь слова. К доске идёт... Кто смелый?
Прощай, прошу, прощение, прощён.

Спи-засыпай, и набирайся силы.
Большие волки рыщут по степи.
Когда проснёшься, будет всё, как было...
Ложись у стенки.
Баю-баю, спи.

Снова отходим, рваный брезент.
Стынем в седом дожде.
Где ваша армия, президент?
Наша, простите – где?

Снова солдату держать ответ
Нужно за этих, тех.
Перекрестите его вослед.
Он разгребёт за всех.

Сколько пройдёт он сквозь дым и хмарь,
Страшно неся свой крест?
Перекрестите его, как встарь.
В небе немного мест.

Вот он идёт. Сужается твердь
Звуком его шагов.
Перекрестите его на смерть,
Просто, без лишних слов.

Горько он шутит: «Адью, мусьё!» –
С ветром былых эпох.
Перекрестите его, и всё.
Дальше – рассудит Бог.

Звучал Шопен, работала «оса».
Из лесополки прилетела мина.
Когда навек умолкли голоса,
Дым продолжал играть на пианино.

Летели клочья наперегонки.
Столбами прах носился по аллее.
Был чёрен дым, лишь две его руки,
Угадывая клавиши, белели.

Пехота шла. Кипел адреналин.
Срывались крыши, складывались стены.
Пылала Марьинка. Серёга Бородин
Стоял и слушал музыку Шопена.

Ноктюрн весенний до диез мажор.
– Как звать вас?
– Марь Иванна Балакова.
– И улыбнулась: – Только уговор,
Не помогать. Сама. Жива-здоровая.

Ревела арта, сердце леденя.
Летели ноты вслед за облаками.
И выносил Серёга из огня
Дым невесомый с белыми руками.

Трясло «буханку», тихо пил медбрат
Из мятой фляги, загибая пальцы.
И бормотал контуженный солдат:
– Меня убили. Как домой добраться?

Глядела ночь глазами витрин.
Срывались крыши. Складывались стены.
И бормотал Серёга Бородин:
– Я Дым. Включите музыку Шопена.

Как слышите! Как слышите? Я Дым!
Меня убили. Я лечу куда-то.
– Уже включаю.
В списке был седьмым
«Вальс номер семь» на плейлисте медбрата.

Пылала Марьинка. Работал ЗРК,
Перекрывая ругань пулемёта.
Отстреленные крылья. Облака.
В сухое небо улетали ноты.

Трясло «буханку». В ночь чихал мотор.
Шла сквозь огонь разбитая дорога.
Звучал Шопен, вальс до диез минор.
И смерть не попевала за Серёгой.

По госпиталю шлялись сквозняки.
Хрипел Серёга, свет не узнавая:
– Опять они, две белые руки.
Две женские, по воздуху летают.

Его колола чем-то медсестра.
И приносила в склянке витамины.
А он кричал: «За Родину! Ура!
Оставьте в коридоре пианино».

Соображал консилиум врачей.
А он кричал: «Посторонитесь, братцы.
Там с нотами альбом был. Он ничей?
Меня убили. Как домой добраться?»

Неделя шла, другая, день за днём.
А он всё из бинтов кричал вселенной:
– Я Дым, я Дым, как слышите, приём!
Меня убили. Где найти Шопена?

Но как-то раз, в один из майских дней,
Войдя, и по-особенному быстро,
Сказала медсестра: «Сергей, Сергей,
Вставайте, к нам приехали артисты!»

Счастливая улыбка на лице.
Вошла и упорхнула, словно ветер.
Его везла тележка на концерт.
А он бубнил: «Мне холодно от смерти.»

И кто-то танцевал, а кто-то пел.
А он, качаясь на скрипучем стуле,
Шептал: «Меня убили. Где Шопен.
Я Дым. Я Дым. Все ангелы уснули».

Вдруг разбудили клавиши весну,
В рой мотыльков соединились звуки.
Серёга сквозь глухую пелену
Увидел – руки, руки, эти руки.

Как молния ударила во мрак,
Вдруг вспыхнул свет негаданно-нежданно.
Он закричал: – Я здесь! – и сделал шаг,
– Я вспомнил... Балакова...Марь Иванна...

Я здесь! – пошёл, пошёл, засеменял,
Шатаясь, наступая неуклюже.
И кто-то в зале тихо обронил:
– Вы уж простите, он у нас контужен.

Звучал Шопен, вальс до диез минор.
В рой мотыльков соединялись звуки.
И белый голубь залетел в окно.
А он всё шёл и видел – только руки.

Вдаль уходил за окнами простор.
И небосклон за окнами проснулся.
Звучал Шопен, вальс до диез минор.
А он всё шёл. И вышел. И вернулся.

А где Серёга? Он живой.
Кровит ушная перепонка.
Он там, где лес под Кременной
Вскрыт, как солдатская тушёнка.

Войной рождённый архетип,
Пятно родимое на коже, –
Он под Изюмом не погиб
И не пропал на Запорожье.

Сох от тоски в госпиталях.
На время в гипс переобулся.
И всё же – злой, на костылях,
К своим на ленточку вернулся.

За что воюет? Ветродуи
Из сердца вымести не может
Тот вороватый поцелуй
Какой-то женщины в прихожей.

И это всё, что он забрал
С собой. Но потому, быть может,
Он под Изюмом не пропал.
И не погиб на Запорожье.

Он вылез, выбрался, живой.
В бою уверен и спокоен.
И только лес под Кременной
Стоит в раю одной ногою.

За что я пью, мой друг друид?
За ветра свист. За шум дубравы.
За то, что Бог меня хранит
И бережёт от глупой славы.

Ведёт тропинка в рай и в ад.
Серёга в маскхалате «гилли»¹
Похож на лешего, космат,
И с позывным в эфире: «Вилли».

¹ «Гилли» – маскировочный плащ снайпера.

Его напарник молодой,
Шутя однажды, брякнул: «Вилли –
Собачий прямо позывной,
Скажу я вам, Сергей Василич!»

«Создал, – Серёга говорит, –
Когда-то дас флугцаг¹ отличный
Конструктор Вилли Мессершмитт,
Да только дед мой был зенитчик!

Флугцаг был мощь – от а до я.
Про ассов сказано не мало.
Но снайпер, бабушка моя,
Та белке в глаз легко стреляла.

Ведёт тропинка в два конца.
А я, такая вот планида,
Похож на кельтского жреца
И на германского друида.

А я лежу – в глазах земля.
Что за эпическая сила!
Вот снайпер, бабушка моя,
Давно б кого-нибудь скосила.

Гул. Вертолёт. Раскрас «вампир»,
Летит в клубах дорожной пыли –
Так низко. Захрипел эфир:
«Чужой! Чужой! Работай, Вилли».

Серёга в землю вжался. Гул...
Чуть ближе. Боже святой сыне...
Он вскинул ствол и подмигнул
Двум облакам, застывшим в сини.

Лёг палец на крючок: «Всех благ.
В раю воспой мою победу!»
И не промазал, дас флугцаг.
Спасибо бабушке и деду.

¹ дас флугцаг – по-немецки самолёт.

Придёт Серёга по весне.
Возьмёт квартиру в новостройке.
Он будет жить за барной стойкой.
И всё! – Ни слова о войне.

Он будет жить один, как перст.
Похожий на весло Харона.
Пить не за звёзды на погонах.
Не за Георгиевский крест.

Не за тепло и свет весны.
И не за хату в новостройке.
Он будет повторять у стойки,
Кулак сжимая: «Пацаны».

Один он будет тихо жить.
Смотреть в стакан и слушать ветер
И деньги незнакомым детям
Во все концы переводить.

Махнёт и скажет вдруг: «Салям».
И чтоб не причинить урону,
Он незнакомым матерям
Начнёт звонить по телефону.

Он будет долго, длинно жить.
Прищуривать глаза больные.
Перебирая позывные,
Хрипеть бармену: «Повторить».

Он побредёт глухим двором
И будет, никому не нужный,
Обруган кем-нибудь в метро.
За то, что в Марьинке контужен.

Он будет с Богом говорить,
Хрипеть в небесные зароды:
«Не убивай, мне надо жить!
Мне надо детям переводы!..»

Он будет полный бред нести.
Шататься. Путать с былью небыль.
И вдруг услышит голос с неба:
«Куда, скажи, перевести?»

Дым поплывёт в седой дали.
Знакомый бар. Подвал. Ступеньки.
Пусть дети думают, что деньги
Отцы с войны перевели.

Весной, в грачином галдеже
Вернётся. И весну полюбит.
И в новостройке хату купит
На самом верхнем этаже.

Этот снег, словно минный взрыв,
Рвёт, сечёт поперёк и в стороны.
В снег такой идут на прорыв,
Греют крылья над раной вороны.

В снег такой идут убивать.
Смерть со степью играет вдолгую.
В снег такой лишь русская мать,
Словно столб, стоит над дорогою.

Как свеча – над добром и злом.
Над деревней стоит, над городом.
Словно – трещина, как – излом,
Как рубец – не чувствуя холода.

С чёрным небом вровень стоит.
Чёрным воздухом силы скованы.
И летит этот снег, летит
Сквозь неё – в темноту и в стороны.

И течёт сквозь неё беда,
Воет ветер, на части режущий.
И горит сквозь неё звезда,
Не ища другого убежища.

Что мы пели с тобой, что мы пили с тобой до войны?
Онемела изба, по углам растерялись пожитки.
Тени тощих берёз, как стихи идиота, нежны.
В перекрестье эпох – ты с солдатским мешком у калитки.

Словно мусор на свалке, рассыпаны звёзды в пруду.
Словно сука с цепи, то и дело срывается ветер.
Ты глядишь в никуда. Ночь старухой застыла в саду.
И боятся смотреть из окна повзрослевшие дети.

В темноте ускользает, теряется серая нить.
Дышит пылью дорожной ночная, холодная пустошь.
Понимаю, как нужно теперь обязательно жить.
И сегодня. И завтра. Весь век.
И всегда. Потому что...